

УДК 94(470.5)“1864-1912”:297

Д.Н. Маслюженко, М.А. Перова

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 25.10.2015

Передана на рецензию: 26.10.2015

Получена рецензия: 26.11.2015

Принята в номер: 25.12.2015

**Мечеть в казачьей станице: межрелигиозные отношения на востоке
Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX века**

ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»; denmas13@yandex.ru;
perova_marina91@mail.ru

История ислама в Курганской области является одним из «белых пятен» российского исламоведения. Авторы статьи на основании изучения Ф.И-60 «Указной муллы соборной мечети в станице Звериноголовской» из Государственного архива Курганской области исследовали становление мусульманской общины в казачьей станице, ее борьбу за строительство мечети, а также функционал и состав местного мусульманского духовенства. Община мусульман, состоящая как из местных жителей, так и приезжающих в станицу купцов, отстаивала свое право на мечеть на протяжении 1864–1885 годов, привлекая для этого авторитетных специалистов из Челябинска и Кустаная. Полученное разрешение было связано со значительным усилением экономического влияния мусульманского купечества в Звериноголовской. Оно позволило им претендовать на право иметь собственное место для молитвы и давало возможность покупки соответствующих земельных участков.

Учитывая влияние уммы и ее богатство, местное казачество относилось к ее представителям противоречиво: ссориться с мусульманами им было невыгодно, допускать их чрезмерного усиления тоже. Это привело к единственному известному конфликту, выразившемуся в споре о купленной земле под строительство мечети, в котором мусульмане ссылались и на вакуфное право. Звериноголовские муллы оказались посредниками между религиозной общиной и имперской властью, в том числе донося до населения содержание законодательных актов и обеспечивая лояльность прихожан к власти, особенно в условиях конфликта с Османской Портой. Деятельность имамов Звериноголовской соборной мечети, история ее строительства и возникшей после него земельной тяжбы иллюстрирует межнациональные и межконфессиональные взаимоотношения между гражданами империи и политику государства в этих вопросах на региональном материале.

Ключевые слова: *мусульмане, мусульманское духовенство, соборная мечеть, казачья станица.*

The history of Islam in Kurgan province is one of the blind spots in the Russian Islamic studies. Having studied Fund I-60 “Decree mullah of the cathedral mosque in Zverinogolovskaya village” from the State Archive of Kurgan province, the authors investigate the development of the Muslim community in the Cossack village, the functions and hierarchy of the local Muslim clergy, their struggle for the erection of a mosque. The Muslim community which included local residents and guest merchants asserted their right to have a mosque over 1864-1885 time period attracting competent authorities from Chelyabinsk and Qostanay. It was due to the growing empowerment of the Muslim merchantry in Zverinogolovskaya, that the permission to build a mosque was finally obtained. It allowed the community to exercise their right to have their own place for praying and to purchase suitable plots of land. Taking into account Ummah’s power and wealth, local Cossacks treated its representatives in a contradictory way: they wanted neither to quarrel with the Muslims nor to permit their excessive empowerment. This led to the only known conflict over the plot of land bought for the mosque construction where the

Muslims referred to the Waqf right as well. Here the mullahs of Zverinogolovskaya village acted as intermediaries between the community and the imperial power. They informed the population about the legislative acts and generated church members' loyalty to the state, especially under the conditions of a conflict with the Ottoman Porte. The activities of imams of Zverinogolovskaya cathedral mosque, the history of its construction and the demesial litigation that emerged afterwards illustrate inter-ethnic and inter-religious relations between the citizens of the empire, the government policy in this matter through the example of regional data.

Keywords: *Muslims, Muslim clergy, cathedral mosque, Cossack village.*

Введение

Ислам является значимым фактором внутренней и внешней политики Российского государства на протяжении последних нескольких столетий. Включение в состав государства степного и среднеазиатского миров сделало вопрос взаимодействия православия и ислама составной частью внутренней политики. Длительное цивилизационное противостояние привело к довольно разноплановой и часто меняющейся государственной политике по регулированию жизни мусульманской уммы в России, хотя с периода правления Екатерины II все чаще ставился вопрос об адаптации мусульман к российской действительности и их преданности общероссийским интересам в условиях продолжающегося противостояния с Османской Портой.

В последнее десятилетие вопрос становления и функционирования мусульманской уммы в России занимает одно из ведущих мест в отечественной исторической науке. Такие исследования особенно характерны для территорий, где данная община играет заметную роль в политике, культуре и экономике. При этом сложившиеся локальные исторические школы, как правило, уделяют внимание именно «своим» территориям [4; 10; 15], закрывая глаза на то, что их границы не всегда адекватно совпадают с имевшими место в дореволюционный период.

История ислама в Курганской области оказалась либо вообще не представлена в исследованиях, либо же занимает в них крайне скудное место. Это отчасти связано и со спецификой местной исторической школы, ориентированной на русскую, в значительной степени аграрную, историю и не имеющей опыта работы с источниками на арабском языке, на котором написано значительное число документов из фондов местных мечетей. По сути, имеются лишь небольшие обзорные статьи по исламу в Курганской области и г. Кургане [3, с. 77–80; 11, с. 126–129].

Авторы работы предлагают добавить в мозаику исламоведения еще один элемент: историю самой большой и единственной каменной мечети в Курганской области, которая была построена на границе между западносибирской лесостепью и казахскими степями в казачьей станице Звериноголовской. Она была основана в 1752 г. как последняя крепость Нижне-Уйской дистанции Оренбургской пограничной линии в месте ее стыка с Новошимской линией Сибирского казачьего войска. В результате сложных процессов формирования местного казачества в его составе оказались и представители исламской общины, что в принципе не было исключением для Урала и Западной Сибири [7, с. 173–178; 12]. В 1862 г. крепость была упразднена вместе с оборонительной линией. В 1884 г. вокруг станицы Звериноголовской был образован станичный юрт, находившийся на самом востоке Челябинского уезда Оренбургской губернии.

Борьба мусульманской общины за строительство мечети

Развалины каменной соборной мечети в селе (бывшей станице) Звериноголовском сохранились до сих пор, и местная умма периодически пытается восстановить культовое здание. При этом в региональной литературе нет даже точной даты ее строительства. Так, Н.А. Воденников в своих мемуарах пишет следующее: «Мечеть представляла собой длинное и высокое прямоугольное здание с высокими и широкими окнами, а с крыши поднималась ввысь четырехугольная колонна со сглаженными углами в виде усеченной пирамиды, по верху которой шло расширение, заканчивалось оно зонтообразной крышей минарета. В летнее время вечерами звучный голос муллы был слышен по воде Тобола на расстоянии до двух километров. Высота минарета равнялась высоте звонниц каменной церкви. В 30-х годах минаретную колонну снесли, а само здание надстроили и сделали вальцовую мельницу... Когда она была построена и кто является ее зодчим, мне установить не удалось» (цит. по [9, с. 39]).

В Истории Курганской области в разделе, посвященном станице Звериноголовской, отмечается, что, кроме православных, в станице проживали мусульмане, «поэтому строились не только церкви, с 1826 по 1852 г. строилась мечеть при активном участии татар, бухарцев» [14, с. 288]. Этот же временной промежуток указывается в статьях по истории Звериноголовского района и ислама в Курганской области в сети Интернет.

В Государственном архиве Курганской области деятельность мусульманской общины в станице Звериноголовской во второй половине XIX – начале XX века отражена в двух фондах: «Оренбургское магометанское духовное собрание» (Ф. 309), где все документы (31 дело) составлены на арабском языке, и «Указной мулла соборной мечети в станице Звериноголовской» (Ф. И-60). В фонде И-60 содержится 7 дел, из них 2 на арабском (метрические записи) и 5 на русском языках, на которых и основана данная статья. В русскоязычных делах имеется переписка звериноголовского муллы с Оренбургским магометанским духовным собранием (далее ОМДС), предписания ОМДС, органов власти, документы о погребении по мусульманскому обычаю, записи о браках и рождениях. Среди русскоязычных документов встречаются арабские. Материалы о строительстве мечети содержатся в основном в деле № 2, фрагментарно в других делах. Согласно этим документам, говорить о постройке мечети в 1826 или 1852 гг. не приходится.

Через два года после упразднения крепости в 1864 г. мусульмане станицы Звериноголовской ходатайствовали о постройке деревянной мечети и получили отказ от Войскового правления Оренбургского войска и Оренбургского губернского начальника «на том основании, что в станице Звериноголовской магометан, принадлежащих собственно этой станице, 3 души, остальные ... имевши оседлость 168 душ и не имевши оседлости с семейством 131 душа... мы проживаем по видам, а впоследствии можем выехать на свои места»¹. О том, что это было первое прошение, говорит тот факт, что свидетельствуют о нем сами мусульмане в очередном ходатайстве в апреле 1868 г. Судя по всему, раньше потребности в мечети не существовало, так как постоянных жителей исламского вероисповедания в станице было всего трое, которые, видимо, относились к казакам. Однако количество магометан-торговцев, проживающих в станице наездом, не только не уменьшалось, но и увеличивалось с ростом торговых оборотов в силу удобного расположения станицы на стыке четырех губерний. Дела заставляли купцов проводить в станице немало времени, у многих здесь жили семьи, и нужда в культовом здании возникала сама собой. Средств на постройку они не просили, равно как и любой другой помощи. Покупать землю, строить, содержать причт купцы собирались сами. Единственное, что требовалось от властей – дать разрешение и утвердить архитектурный план.

¹ Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

С 1864 года ходатайства посылались неоднократно, к просьбам присоединилось Оренбургское магометанское духовное собрание. В 1871 г. из Оренбургского губернского правления в Челябинское уездное полицейское управление поступил окончательный указ по этому делу с постановлением прекратить переписку. Отказ был мотивирован так же, как и предыдущие: «хотя и находятся в Звериноголовской 231 душа мусульман, но из них только 3 живущих оседло казачьего сословия. Остальные же все посторонние и не могут составлять числа прихожан, так как они проживают там только по своим торговым делам, имея право всегда беспрепятственно выехать из станицы»². По общепринятым нормам, «для того чтобы построить мечеть и содержать при ней священнослужителя, необходимо было соблюдение норм строительства (одна мечеть на 200 душ мужского пола)» [14, с. 104].

Д.Н. Денисов указывает, что в 12 уездах Оренбургской губернии законодательный минимум для общины в 2–4 раза превышал среднее число мужчин в конкретном населенном пункте. В результате «соблюдение исламского ритуала, обрядов жизненного цикла, связанных в Российской империи с государственной регистрацией актов гражданского состояния, было затруднено необходимостью поездки в более крупное село». При этом значительное число временных прихожан не могло легализоваться на казачьих землях на постоянной основе [6, с. 264].

Об отказе, основанном на статье 155 главы 5 раздела 3 строительного устава 12 тома Свода законов Российской империи³, в Звериноголовское станичное правление сообщило ОМДС. Чтобы сгладить неприятную новость, был предложен более скромный способ удовлетворить потребности звериноголовских магометан в месте для молитвы. Ссылаясь на государственные законы, которыми «свобода права присваивается не токмо христианам неправославного вероисповедания, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы России... славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благославляя царствование российских монархов», и на шариат, который не запрещает славить Бога в любом месте, мусульманам предложили отправлять богомоления в специально купленном для этих целей доме⁴. Подчеркивалось, что прежде они и такового не имели, молились, где придется, и этому не препятствовал ни государственный закон, ни мусульманский. Деревянный молельный дом, о котором идет речь, был построен в станице Звериноголовской в 1871 г. с разрешения ОМДС. Средства на него собирала вся мусульманская община. За место, на котором стоял дом, верующие обязаны были платить жителям станицы «поземельные деньги»⁵.

Несмотря на то, что мусульмане оказались в невыгодном по сравнению с христианским населением положении (на тот период в станице Звериноголовской действовали две православные церкви – каменная и деревянная), ситуация временно стабилизировалась. Однако вскоре возникла новая проблема, на которую власти уже не могли смотреть равнодушно. Поскольку религиозные учреждения должны были фиксировать данные о рождениях, браках, разводах и смертях путем ведения метрических книг и духовных росписей, государство было заинтересовано в организации верующих любой конфессии вокруг конкретного религиозного учреждения и духовного лица, с которого можно было бы спрашивать отчетность.

В 1874 г. постоянно проживающие в станице мусульмане попросили причислить их к ближайшей соборной мечети, находящейся в поселке Трехозерском соседней Усть-Уйской станицы, так как из-за отсутствия в Звериноголовском духовного магометанского лица они «остаются без исполнения духовных треб и обмолитвования новорожденных,

² ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–16.

³ Свод законов Российской империи. – Т. 12. – СПб: Деятель, 1857. – С. 228.

⁴ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 36.

погребения умерших и совершения браков, через что новорожденные, умершие и браки смогут оставаться незаписанными в метрические книги»⁶. Данное прошение было удовлетворено, указом Оренбургского губернского правления от 10 сентября того же года звериноголовцы в числе 122 мужчин были причислены к Трехозерской соборной мечети, при которой уже числилось «203 мужского пола прихожан»⁷.

Внимание к звериноголовским мусульманам этим не ограничилось. 26 октября 1874 г. имаму деревни Вышняковской Ичкинской волости Разиеву ОМДС поручило «исправлять все требы по магометанскому обряду у магометан, проживающих в Звериноголовской станции..., по неимению там указного имама»⁸, т. е. имама, получившего соответствующее образование и свидетельство о сдаче экзаменов на знание Корана, Шариата и обрядов и отчитывающегося о своей работе ОМДС, что помогало контролировать его благонадежность и не допускать антигосударственных движений в исламской среде. Выбор имама из Ичкинской волости того же уезда был вполне обоснован тем, что это была единственная волость с доминирующим мусульманским населением, в результате местные имамы и муллы были одними из самых образованных и авторитетных.

Спустя некоторое время активность звериноголовских мусульман возобновилась. 27 марта 1880 г. они представили властям план перестройки молитвенного дома в мечеть, а 28 марта написали ходатайство в Оренбургское губернское управление: «Так как в настоящее время нас проживает в ней (т. е. станции Звериноголовской. – Д.М., М.П.) 400 душ, то мы дом этот полагали бы перестроить также на собственные свои средства на том же самом месте в соборную магометанскую мечеть по чертежу с определением места в ней для отпущения треб... и утверждения в ней заведующего теперь Трехозерской соборной мечетью указного муллы Кадыргалиева»⁹.

При этом они заблаговременно позаботились о необходимом для постройки дополнительном месте: скупили соседние с молитвенным домом строения и снесли их, в доказательство чего готовы были предоставить копии сделок и акт о планируемой площади мечети. План не одобрили. Однако если раньше шла речь о недостаточности прихода и категоричной невозможности строить, то теперь отказ был вызван другой причиной: «проект плана в настоящем виде утвержден быть не может, потому что он составлен без всякого соблюдения правил, установленных для составления чертежей на постройку здания, так что из него не видно ни размер существующего здания, ни предполагаемой пристройки, и даже не видно, каменное или деревянное здание как существующее, так и предполагаемая пристройка»¹⁰.

Сам факт рассмотрения проекта говорит о том, что реальная необходимость открытия в станции мечети уже не отрицалась. Кроме того, примечательна фраза «не видно, каменное или деревянное»: во всех предыдущих ходатайствах неизменно шла речь о строительстве деревянной мечети на месте деревянного молитвенного дома. Далее появились просьбы о разрешении на постройку именно каменной мечети – единственной в регионе. Вероятно, сам ответ мог натолкнуть звериноголовских мусульман на возможность постройки в станции культового здания из камня и кирпича.

Уже в марте 1881 г. мусульмане получили «общественный приговор», вынесенный жителями станции на сходе: звериноголовцы не возражают против постройки мечети на

⁶ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 28.

⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰ Там же.

месте молитвенного дома, «если только под оную не потребуется земли более того количества, которую теперь занимает упомянутый молитвенный дом и при нем двор: ...в длину по улице 14 и внутрь двора 18 сажень, и если находящиеся вокруг жительские дома и другие строения в расстоянии от него с одной стороны семи и с другой девяти сажень без промежутка не будут подлежать сносу без воли на то хозяев тех домов, в чем и взять от татар особую подписку»¹¹.

Поскольку мусульмане соседние строения, мешавшие постройке, скупали, вопрос о сносе их без позволения хозяев отпадал сам собой. Возникло новое препятствие: согласно ст. 159 главы 5 раздела 3 строительного устава 12 тома Свода законов Российской империи мечеть должна отстоять от соседних домов на 24 сажени, то есть более 50 м¹². В силу невозможности выполнения этого условия при значительной скученности усадеб и зданий в станице 26 марта 1881 г. постройку мечети на месте молитвенного дома запретили¹³.

Как вариант предложили построить ее в другом месте, более соответствующем необходимым критериям, или договориться с жителями близлежащих домов об их переносе. Однако мусульманская община продолжала настаивать. Для защиты своих интересов мусульмане пригласили грамотных купцов (мещанина Костаная Закирмана Юнусова, купца Ибрагима Измаилова, челябинского купца Ибрагима Ишмухаметова, купеческого сына Абдулу Латиф Мемагилова Аитова), которые составили бумаги с доказательствами правоты общины, а также свидетельствовали в суде и писали прошения. «Исполнить в точности таковое требование закона (о отстоянии от соседних домов. – Д.М., М.П.) не представляется возможным», – писал второй гильдии купец Ибрагим Измаилов в Прощении к оренбургскому гражданскому губернатору. Объяснял он эту невозможность тем, что в станице нет свободного места не только там, где стоит сейчас молитвенный дом, но и в других кварталах, а «строить мечеть по-застаннице, в степи, ... несоответственно требованиям религии, так как по уставу Магомета моления бывают временно и вечерами, но ходить на моление в степь, как по отдаленности, так и по другим причинам, не всякий будет иметь возможность, не только в ночи, но и днем»¹⁴.

В защиту своих аргументов он приводил пример других местностей (без их конкретизации), где якобы статья 159 не являлась препятствием для строительства, и предлагал альтернативу: «если закон... предусматривает предостережение от огня, то в силу сего доверители мои вполне готовы будут построенную мечеть от соседственных строений окружить возвышенной каменной стеной»¹⁵, то есть предлагал возвести брандмауэрную стену, строительство которых после многочисленных пожаров на юге Западной Сибири в 1850–1860-х гг. было нормой.

Очевидно, несмотря на длительные разбирательства по делу постройки мечети, роль мусульманской общины в жизни населенного пункта была значительной. Только к 1864 году мусульманами было построено в станице 44 лавки¹⁶. К концу XIX в., по данным О.И. Белоусова, в станице Звериноголовской насчитывалось около 120 торговых предприятий с общим оборотом в несколько миллионов рублей, а из 46 крупнейших местных владельцев лавок 33 были мусульманами [2, с. 293].

Ибрагим Измаилов решил извлечь пользу из экономической значимости общины. «Доверители мои, поселяясь на жительство в станице Звериноголовской, не были ни в чем еще тягостными для местных жителей, а, напротив, развели торговлю и украсили

¹¹ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

¹² Свод законов Российской империи. – Т. 12. – СПб.: Деятель, 1857. – С. 228.

¹³ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

¹⁴ Там же. Л. 32.об.

¹⁵ Там же. Л. 32 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

постройками своими станицу и постоянно служат на пользу общества, – писал он в своем прошении 26 августа 1881 г. – Со времени устройства молитвенного дома в 1872 году также никто не может сказать, чтоб исходил от них какой-то соблазн в вере. За окончательным отказом в постройке мечети, доверители мои неизбежно должны будут... стремиться на новое переселение по твердой преданности к религии»¹⁷.

Какой ответ последовал на этот своеобразный шантаж – не совсем понятно. Но, вероятно, мусульманам дали понять, что об окончательном отказе речь не шла, хотя немедленного разрешения на постройку не последовало. В архиве сохранилось сообщение уездного исправника Звериноголовскому станичному правлению от 23 декабря 1881 г. о том, что он доставил в Оренбургское губернское правление копию документа о согласии жителей станицы на постройку мечети в месте, занимаемом исламским молитвенным домом, и заявление купца Ибрагима Измаилова, о чем и предписывал «объявить доверенному от татар купцу Ибрагиму Измаилу»¹⁸. Мусульмане продолжали скупать соседние дома. Доверенный Закирман Юнусов «приобрел покупкою по письменным условиям, заключенным в июле месяце 1884 года, у домовладельцев все земельные участки, примыкающие к избранному для постройки мечети месту, и приготовил копии с сих условий в Оренбургское губернское правление»¹⁹.

Встречаются и другие документы, косвенно свидетельствующие о том, что с 1881 г. велась скупка соседних с молитвенным домом усадеб. Объясняется это немалое количество приобретений особым поквартальным расположением домов в станице и необходимостью ориентировать здание мечети на юг, в сторону Мекки, что шло вразрез с общим планом станицы. Судя по всему, чтобы получить нужную территорию, татарским купцам пришлось выкупить едва ли не весь квартал, по диагонали которого и планировалось строить.

В конце концов, после рассмотрения всех бумаг, включая свидетельства о покупке земли, согласно свидетельству более поздних документов, указом от 11 января 1885 г. за № 135 Оренбургское губернское правление «разрешило магометанам Звериноголовской станицы построить в этой станице каменную соборную мечеть»²⁰, т. е. почти на 33 года позднее, чем было принято считать. Как шло строительство установить по документам не удалось. Уже через шесть месяцев, 9 июля 1885 г., Оренбургское губернское правление известило власти Челябинского уезда о решении перевести в Звериноголовский приход муллу Трехозерской соборной мечети Мухаметсадыка Кадыргалиева, о чем просили станичные мусульмане еще в 1884 году²¹. Назначение состоялось 9 августа после получения согласия от самого Кадыргалиева и жителей обоих населенных пунктов – Звериноголовской и Трехозерского.

Более десяти лет, судя по переписке Кадыргалиева с Оренбургским и местным начальством, между православными жителями станицы и мусульманами царил мир. Однако «звериноголовское поселковое общество в ноябре месяце 1898 года предъявило к прихожанам звериноголовской соборной мечети иск» в размере 262 рублей 80 копеек²². В свою очередь, представители мечети ответили встречным иском к обществу поселка Звериноголовский в размере 657 рублей, по поводу чего было заведено гражданское дело. «Прихожане мечети оспаривают право на землю, за которую Звериноголовское поселковое общество требует арендную плату, и ту же самую плату, ранее уплаченную

¹⁷ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 32 об.

¹⁸ Там же. Л. 30.

¹⁹ Там же. Л. 55.

²⁰ Там же. Л. 54–55.

²¹ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 3. Л. 59.

²² Там же. Д. 2. Л. 53, 63.

прихожанами мечети, взыскивают с общества поселка Звериноголовское...»²³, написал в отчете по делу уездный исправник. Произошло столкновение интересов и законодательных актов. Причиной, вероятнее всего, было то, что «по указу Сената от 1894 года станичные общества при разрешении новых построек могут требовать вознаграждение, при постройке без разрешения могут просить суд о сносе построек»²⁴, тогда как в год постройки мечети этого закона не было.

Войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска разъяснило, что Закон «не различает, на каких основаниях происходило владение, и для того чтобы оно могло обратиться в право собственности, достаточно, чтобы действительное владение продолжалось непрерывно 10 лет. Не только владение документальное, но даже самовольное владение без всяких документов по истечении давности обращается в право собственности»²⁵, при этом не было оговорки, снимавшей действие этого закона на казачьи земли. Мусульмане, опираясь, вероятно, на этот закон, считали, что земля, на которой стоит мечеть, является их собственностью, во-первых, по истечении срока давности владения, во-вторых, потому что в 1885 г. они получили письменное согласие всех жителей станицы на строительство, а за землю внесли единовременный денежный взнос и выкупили все усадьбы.

Если обратиться к истории медленного расширения территории у молитвенного дома в начале 1880-х годов и вспомнить о покупке места под молитвенный дом в 1872 г., становится ясно, что у прихожан мечети были основания не платить арендную плату сельскому обществу. Тем не менее, плата вносилась за исключением последних перед подачей иска четырех лет (что следует из соотношения суммы затребованного долга и установленного ежегодного платежа). Когда же общество возмутило ее отсутствие, мусульмане вспомнили, что вообще не должны были ничего платить, и в результате сельское общество становилось должно прихожанам, а не наоборот. Из виду упускалось приведенное в том же, цитируемом выше, законе о действительном владении положение: «обложение... оброком и беспрекословный платеж сего обложения в казну владельцем имений в течение земской давности не лишает владельца права собственности... а только не дает ему права требовать возвращения уплаченного долга»²⁶.

Ситуация осложнялась и еще одним нормативным актом: согласно ст. 7 Положения о поземельном устройстве в казачьих войсках от 21 апреля 1869 г. общественные казачьи земли были частично изъяты из гражданского оборота и не могли отчуждаться в собственность представителей других сословий [6, с. 264]. Два последних условия, вероятно, не учли не только мусульмане, но и жители станицы, продававшие им свои участки. К тому же, даже если бы эта земля не являлась станичной, то, согласно приведенному выше положению, не платить арендную плату за купленную или полученную по земской давности территорию прихожане мечети могли, а вот требовать возвращения уже уплаченного – нет.

Вероятно, всю пестроту законов, касающихся данного вопроса, не сразу учли и судебные органы: «Земский начальник по решению своему на 30 марта 1899 г. отказал в иске... так как 1) мечеть построена на месте, которое приобретено у частных лиц и с согласия общества поселка..., 2) в числе прихожан звериноголовской мечети имеются казаки поселка Звериноголовское, которые участвовали в приобретении земли и по положению о казаках не должны платить денег»²⁷, однако имеются документы,

²³ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

²⁴ Там же. Л. 54.

²⁵ Там же. Л. 55.

²⁶ Там же. Л. 55.

²⁷ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

свидетельствующие о пересмотре этого решения. В приказе Оренбургского губернского правления: «...магометане разночинцы, построившие мечеть в станице Звериноголовской, безусловно, обязаны уплатить обществу Звериноголовской станицы установленные посаженные деньги... Причем общество сей станицы вправе, на основании высочайше утвержденного 29 апреля 1868 года Мнения Государственного Совета, взыскивать эти деньги с магометан... и, в случае неоплаты, требовать сноса мечети»²⁸.

У мусульман оставался последний козырь – вакуфное право, которое сохраняло свое значение в Российской империи. В прошении, адресованном тем же Юнусовым земскому начальнику 2 участка Челябинского уезда, читаем: «Если Звериноголовское общество указывает на то, что будто бы прихожане Звериноголовской мечети платили ему за землю по 65 руб. 70 коп. в год, то деньги эти платились как пожертвование мечети отдельными частными лицами, и ныне прихожане мечети желают получить их обратно за последние 10 лет в сумме 657 рублей как пожертвование, принадлежащее мечети»²⁹.

Это требование основывалось на том, что мечеть пользуется этой землей как вакуфом, то есть имуществом, переданным государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели с утратой прав собственности бывшим владельцем. Исходя из этого, уплаченные ранее посаженные деньги становились не делом мечети, а частной инициативой кого-то из ее прихожан. Спор об этих долгах неоднократно возобновлялся, однако найти документы об окончании тяжбы между прихожанами мечети и сельским обществом станицы Звериноголовской нам не удалось. Основываясь на существовании фонда муллы Звериноголовской соборной мечети, в котором сохранились материалы вплоть до 1917 года, можно сделать вывод, что право на мечеть умма отстояла.

Деятельность имамов и мулл Звериноголовской мечети

Особый интерес представляет деятельность имамов и мулл Звериноголовской соборной мечети. Она позволяет на узколокальном материале проследить особенности ислама в имперском пространстве России, роль исламских религиозных учреждений в бюрократической системе государства, отношение к мусульманским религиозным деятелям. Следует учитывать, что «само духовенство рассматривалось правительством как орудие для вовлечения мусульманского населения в состав Российского государства. Именно Оренбургскому магометанскому духовному собранию отводилась роль стабилизатора отношений между мусульманским населением и государственными властями, а его деятельность целиком была подчинена государственным интересам» [14, с. 101].

В свою очередь это требовало проведения контроля над всеми духовными лицами, управлявшими конкретными мусульманскими общинами. Мулла в это время, по сути, был официальным представителем гражданской власти, чиновником, утвержденным по строго определенной процедуре государством [1, с. 51]. При получении разрешения на строительство мечети прихожане в общественном приговоре изъявляли желание содержать мечеть и духовенство при ней [14, с. 104]. Таким образом, в отличие от православного духовенства, мусульманские духовные лидеры были в той или иной степени экономически зависимы от общины, в т. ч. и от получения выплат за «требы».

Первое упоминание о служителях мусульманского культа в селе Звериноголовском связано с называвшимся выше именем имама деревни Вышняковской Ичкинской волости Разиева, которому 26 октября 1874 г. Оренбургское духовное собрание поручило «исправлять все требы по магометанскому обряду у магометан, проживающих в

²⁸ Там же. Л. 55.

²⁹ Там же. Л. 66.

Звериноголовской станице... по неимению там указного имама»³⁰, т. е. получившему именной Указ. Как следует из рапорта Разиева в уездные органы исполнительной власти, до его командирования в станицу роль предстоятеля в Звериноголовском молитвенном доме исполнял «простой татарин из грамотных крестьян Пензенской губернии Краснослободского уезда Устьрахманской волости деревни Старой Алагуловой Мухаммедсадык Кадыргалиев»³¹. Последний «самопроизвольно вмешивается в требоисправление у станичных магометан, как-то погребает умерших, нарекает именем новорожденных и сводит браки, на что он не имеет никакого позволения от правительства»³².

Вследствие этого присланный имам не мог правильно вести метрические книги, о чем и написал рапорт «приставу 6 степени Челябинского уезда». При этом «исправление треб», как правило, подразумевало и соответствующую оплату [5, с. 86], что увеличивало основание для конфликта между исполняющими их лицами. Примечательно, что с просьбой принять меры и отстранить Кадыргалиева от требоисправления Разиев обратился не в ОМДС, а к представителям светской власти, при этом рапорт был подписан как им, так и станичным атаманом, фамилию которого установить по документам не удалось. Это одно из свидетельств того, что религиозная жизнь выходила далеко за пределы конфессиональных интересов и в большинстве своих проявлений представляла государственный интерес.

Нельзя не отметить, что назначение указного имама в Звериноголовскую произошло после причисления тамошних мусульман к Трехозерской мечети. Вероятно, из-за расстояния между станицами не все мусульмане-звериноголовцы добросовестно отправлялись на богослужение почти за 40 км, а прибегали к помощи местного знатока Корана, способного «совершать требы», поэтому Трехозерский имам был не в состоянии самостоятельно, без внутреннего контроля за звериноголовской общиной, справиться с функцией учета населения. С приездом Разиева возник своего рода конфликт из-за расположения прихожан, который также мешал учету.

Такого рода «самозванные» духовные лица, как Кадыргалиев, были не редкостью. В небольших поселениях или населенных пунктах с ограниченным количеством мусульман, где мечети не существовало, верующие собирались для молитвы в специально отведенном для этого по их собственному выбору месте, а роль предстоятеля исполнял уважаемый человек, знающий Коран. Уставного, т. е. проэкзаменованного и назначенного сверху, муллу, такие общины позволить себе не могли. Следовательно, система учета населения и государственный контроль за настроениями иноверцев от этого страдали, и власти были заинтересованы, если не в создании новых приходов, то хотя бы в укрупнении уже имеющихся. Это объясняет внезапно возросшее внимание к звериноголовским мусульманам в 1870-е годы, с учетом того, что местные торговцы имели широкие связи с Казахстаном и Средней Азией.

Однако Кадыргалиев, которого пытались обвинить в незаконном присвоении полномочий имама, на самом деле имел полное на них право. Годом ранее, 20 декабря 1873 г., он прошел экзамен и получил свидетельство ОМДС, что может быть имамом и мударисом, т. е. учителем, наставником³³. Спустя некоторое время после подачи Разиевым рапорта с требованием наказать Кадыргалиева трехозерский мулла просит себе помощника, так как приход его вырос в полтора раза с переводом звериноголовцев: «вследствие увеличения их прихода, признали необходимым для исполнения духовных треб иметь при мечети, кроме имеющегося на лицо, другого муллу, и на должность эту

³⁰ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 22.

избрали его, Кадыргалиева... представляя: а) приговор трехозерских жителей об избрании его вторым муллой к их мечети; б) приговор жителей деревни Старой Алагуловой Пензенской губернии о согласии на увольнение его, Кадыргалиева, для поступления муллой к трехозерской мечети; в) свидетельство Оренбургского магометанского духовного собрания от 20 декабря 1873 г. о том, что он, Кадыргалиев, по испытании в духовном собрании оказался способным быть имамом... и мударисом; г) заявление муллы трехозерского поселка... о необходимости иметь при мечети другого мулу и д) подписку 12 человек купцов, мещан и башкир, проживающих в станице Звериноголовской, которые в качестве доверенных от прочих магометан заявляют о согласии их на определение Кадыргалиева вторым муллой к трехозерской мечети»³⁴.

После засвидетельствования подлинности всех вышеперечисленных документов и собственного ходатайства Кадыргалиева от 12 ноября 1874 г. с приложением свидетельства о сдаче экзамена, согласия трехозерцев и отзывов звериноголовцев ситуация, тем не менее, складывалась не в его пользу. Кадыргалиева после всех предоставленных им доказательств едва не выгнали из Звериноголовской. 12 апреля 1875 г. под страхом изгнания пристав запретил ему выполнять обязанности имама³⁵. Однако уже 15 апреля Мухаммедсадыка Кадыргалиева утвердили вторым имамом в Трехозерске, а обвинения против него признали беспочвенными.

Вероятно, после утверждения в должности, Кадыргалиев продолжал работать именно со звериноголовскими мусульманами и заслужил их расположение. Представляя 23 марта 1880 г. ходатайство о перестройке молитвенного дома в станице Звериноголовской в соборную мечеть, представители мусульманской общины попросили также назначить ее имамом вышеупомянутого Кадыргалиева³⁶. Просьба повторилась и в ходатайстве 1884 года³⁷. В связи с этим «предписано было Челябинскому уездному управлению потребовать и доставить отзывы от муллы Кадыргалиева о желании или несогласии к переводу в Звериноголовский приход, а от прихожан Трехозерской мечети о неимении с их стороны препятствий», а поскольку согласие имама и прихожан было получено, то решено «перевести его с тем же званием в Звериноголовский приход»³⁸.

Заведующий (возможно, мутаваллий, т.е. управляющий вакуфом; термин в документах упоминается только в русском переводе) Трехозерской соборной мечетью мулла Кадыргалиев был переведен в Звериноголовский приход 9 августа 1885 г. Вскоре, 13 июня 1889 г., он был удостоен почетного звания ахуна³⁹. Ахуны были высшими представителями исламского духовенства и выполняли широкий ряд административных функций: разбирали гражданские дела и иски, контролировали нижестоящее духовенство, выступали посредниками между правительством и общиной по вопросам строительства мечетей, медресе и мектебов. Они назначались по коллективному представлению исламского духовенства губернским правлением. В их ведении могли находиться до 100 приходов [10, с. 61].

Помимо совершения треб духовное лицо в мечети доносило до прихожан решения правительства, сообщало о важных политических событиях в стране и выполняло различные социальные функции. Например, в апреле 1883 года Кадыргалиеву пришло повеление «о прочтении высочайшего манифеста о священном короновании их императорских величеств и о совершении по сему случаю надлежащего богослужения в

³⁴ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

³⁵ Там же. Л. 29.

³⁶ Там же. Л. 36.

³⁷ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 3. Л. 59.

³⁸ Там же. Л. 59.

³⁹ Там же. Л. 60.

ближайший день празднуемый прихожанами... в первую предстоящую пятницу»⁴⁰. Примечательно, что царское правительство учитывало периодичность исламских богослужений и не требовало немедленного обнародования манифеста. 20 октября 1891 года звериноголовское станичное правление адресовало мулле Кадыргалиеву следующую «записку»: «... Вам известно, что в Звериноголовском в настоящее время, по случаю голода, большая масса народа магометанского вероисповедания нищенствуют по своей совершенной бедности, не имея для себя крова, насущного куска хлеба, и совершенно нагие ходят по улицам станицы,... что противно как православной, так и магометанской религии», в связи с чем правление «просит вас... привлечь торгующих лиц магометанского вероисповедания к пожертвованию на этих страждущих»⁴¹. Это требование вполне вписывалось в один из пяти столпов ислама – закят, уплату милостыни в пользу нуждающихся. Имамы приводили людей к присяге⁴², предоставляли правительству сведения о состоянии здоровья граждан, особенно в периоды эпидемических вспышек⁴³, собирали пожертвования как для помощи своим единоверцам, так и участвуя в общегражданских благотворительных акциях⁴⁴.

С 31 января 1897 г. в Звериноголовской началась деятельность другого муллы, хотя Кадыргалиев, как видно из других документов, по-прежнему оставался при мечети. Возникла ли необходимость в назначении второго духовного лица по причине роста числа прихожан или опытный ахун готовил себе преемника – из документов неясно. Новым имамом был избран Мухаммедхафиз Бикбаев. Оренбургское магометанское духовное управление предписало Челябинскому уездному полицейскому управлению выдать ему «свидетельство на право явки в Оренбургское Мусульманское духовное собрание для испытаний на знание правил своей религии»⁴⁵. На испытаниях, помимо эрудиции, Бикбаеву нужно было представить сведения о том, какие духовные лица состоят при Звериноголовской мечети, сколько ему, соискателю духовного звания, лет, состоял он или состоит под судом и следствием, достаточно ли благонадежен для данной должности. Согласно полученному свидетельству за № 95, «начальствующие лица (Оренбурга)... благоволят ему свободный пропуск, а на месте – беспрепятственное проживание»⁴⁶.

Постепенно имя Кадыргалиева перестало фигурировать в документах. В последний раз он упоминается в контексте рассмотренного выше иска звериноголовского общества 1898–1899 гг. Тогда Кадыргалиев, которому как к руководителю общины и был адресован иск, отказался выступать в суде, поскольку это не соответствовало его сану, а дело в результате поручили доверенному Юнусову. После Кадыргалиева переписку с начальством и дела Звериноголовской мечети стал вести Бикбаев. Со временем он, судя по документам, получил известность в мусульманских кругах как знаток шариата. Так, например, 5 февраля 1915 года Магометанское духовное собрание отослало «на разбирательство имаму Звериноголовского поселка Усть-Уйской станицы Мухамедхафизу Бикбаеву»⁴⁷ дело о разводе некоей крестьянки из города Костанай Тургайской области, что представляется явным свидетельством его профессионализма.

Проявляя уважение к мусульманскому духовенству, правительство, тем не менее, строго следило за тем, чтобы их религиозные интересы ни в коем случае не мешали интересам основной конфессии, то есть православия. Обращение к «язычникам» являлось

⁴⁰ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁴¹ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.

⁴² ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁴³ Там же. Л. 68.

⁴⁴ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁴⁵ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

⁴⁶ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁴⁷ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

прерогативой только христианского духовенства, а проповедь ислама среди православных, в том числе крещеных мусульман, было уголовно наказуемым деянием, за которое с 1885 г. предусматривалось лишение всех прав на состояние и ссылка на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет⁴⁸. С 1890 г. имамы могли иметь дело только с мусульманами твердых убеждений. Так, например, ОМДС предписало Бикбаеву «совершать требы, сообразуясь с требованиями шариата и закона только тем лицам, которые будут обращаться к вам с просьбою об этом»⁴⁹. Вообще же «ахунам, имамам и муллам приказано воздерживаться от браков мусульман с язычниками. До министра дошло что... некоторые муллы осмеливаются даже совращать в магометанскую веру крещеных язычников. Воспретить им под строгою ответственностью вмешиваться в религиозные дела лиц, принявших христианство»⁵⁰. Все это не случайно, т. к. во второй половине XIX в. возврат крещеных мусульман к вере предков приобретает достаточно массовый характер по всей Западной Сибири [14, с. 96–97].

Запретов разного рода было довольно много. В 1892 году мусульманам запретили использовать в мектебах и медресе рукописные и печатные нецензурированные книги, назначать преподавателями лиц, получивших образование за рубежом⁵¹. В ряде регионов это решение вызвало протестные настроения среди татар, которые в том числе выражались в обращении «к Османскому государству – султану как халифу всех мусульман и улемам» [8, с. 136]. В апреле 1905 г. появился запрет «всему подведомственному магометанскому духовенству выдавать ... свидетельства о принадлежности тех или иных лиц к числу магометанских святых»⁵². Этот запрет интересен тем, что культ святых в качестве адата имел широкое распространение в исламе Северной Евразии [15]. Поклонения могилам святых (аулия) имели место в соседних башкирских волостях Челябинского уезда (Полевой дневник).

В 1910 г. повелевалось не читать в мечетях фетву турецкого шейх-уль Ислама ко всем мусульманам, в которой их приглашали внести пожертвования на усиление турецкого флота⁵³. В условиях постоянных русско-турецких конфликтов подобные запреты были актуальны, т. к. мусульмане России, несмотря на то, что являлись российскими гражданами, прислушивались и к духовным лидерам Османской империи. По мнению Ю.Ф. Сулеймановой, эти запреты отражали и более значительную политическую проблему: «насколько истинный мусульманин может быть настоящим гражданином православного государства» [17, с. 32].

В связи с этим возникал вопрос к существовавшим при мечетях мектебе и медресе. Судя по имеющимся документам, школа (по всей видимости, мектебе) в станице Звериноголовской была построена еще до открытия мечети при молельном доме. В марте 1912 г. мулла Бикбаев в ответе на запрос инспектору народных училищ Троицкого района пишет: «В поселке Звериноголовское в 1885 г была построена соборная мечеть, но школа существовала еще раньше, до открытия мечети. На каких основаниях, с какого времени и с чьего разрешения основана школа из дел, хранящихся у меня, вывести какие-либо справки о школе не представляется возможным. Причем сообщаю, что кроме предметов конфессиональных преподается арифметика и история ислама – только то, что нужно для вероучения»⁵⁴. В целом набор предметов был стандартным для мусульманского учебного

⁴⁸ Свод законов Российской империи. – Т. 14. – СПб: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1890. – С. 69.

⁴⁹ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

⁵⁰ Там же. Л. 74.

⁵¹ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

⁵² Там же.

⁵³ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

⁵⁴ ГАКО. Ф. И-60. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.

заведения, однако на основании присутствия в нем арифметики и истории школу хотели отнести к категории общеобразовательных учебных заведений.

Заключение

Таким образом, мы наблюдаем активную экономическую, политическую, социальную и духовную жизнь мусульманской уммы станицы Звериноголовской в конце XIX – начале XX века. Владея основными торговыми точками в станице и тем самым оказывая немалое влияние на ее благосостояние, местные мусульмане могли претендовать на право иметь собственное место для молитвы, не уступающее христианским – минарет мечети возвышался наравне с куполом православного собора. Однако как представители неосновной конфессии они должны были это право отстаивать. Учитывая влияние уммы и ее богатство местное казачество относилось к ее представителям весьма противоречиво – ссориться с мусульманами им было невыгодно, допускать их чрезмерного усиления тоже. Это приводило к поискам повода для конфликта, связанного с имущественным (земельным) вопросом, что обострялось пришлостью большинства исламского населения. Светская власть, в свою очередь, была заинтересована в организации общины вокруг духовного заведения и духовного лица, так как это обеспечивало системный учет исламского населения и контроль за его настроениями. Представители исламского духовенства, равно как и православного, выступали посредниками между своими прихожанами и государственной властью, молились о здоровье царской фамилии и процветании Российской империи, доносили до населения содержание законодательных актов, обеспечивали лояльность прихожан к власти и верность ей.

Литература

1. *Абдрашитова А.Р.* Оренбургское духовное магометанское собрание как орган управления как орган управления мусульман в XIX – начале XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2001. – № 1. – С. 49–53.
2. *Белоусова О.И.* Станица Звериноголовская // История Курганской области. Т. 6. – Курган: Зауралье, 2001. – С. 273–307.
3. *Денисов Д.Н.* Мусульманская община Кургана в прошлом и настоящем // Этнопанорама. – 2010. – № 1–2. – С. 77–80.
4. *Денисов Д.Н.* Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). – М.: Издательский дом «Марджани», 2011. – 256 с.
5. *Денисов Д.Н.* Источники доходов и экономическое положение мусульманского духовенства (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 4 (140). – С. 85–89.
6. *Денисов Д.Н.* Региональные проблемы реализации законодательства об организации мусульманских приходов в Оренбургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (42). – С. 263–265.
7. *Загидуллин И.К.* Мусульмане в российском казачестве в первой половине XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – № 6. – С. 173–178.
8. *Загидуллин И.К.* Обращения татар-мусульман Среднего Поволжья к Османскому государству // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 2 (109). – С. 135–139.
9. *Звягинцева О.И., Павлуцких Г.Г.* От крепости до села // Станица на Тоболе. – Курган: Зауралье, 2002. – С. 8–70.
10. Ислам на территории Тюменской области / под ред. А.П. Яркова. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2013. – 132 с.

11. Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / под ред. Д.З. Хайретдинова. Вып. V. – М.–Нижний Новгород: Медина, 2009. – 404 с.
12. *Кортунов А.И., Фокин А.А.* Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). – Уфа, 2012. – 113 с.
13. *Косач Г.Г.* Ислам в Оренбургской области. – М.: Логос, 2008. – 148 с.
14. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в. / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 214 с.: ил.
15. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Издательский дом «Марджани», 2009. – 216 с.
16. *Старостин А.Н.* Ислам в Свердловской области. – М.: Логос, 2007. – 144 с.
17. *Сулейманова Ю.Ф.* Региональная власть и мусульманское население Оренбургской губернии в XIX веке: проблемы взаимоотношений // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2012. – № 1. – С. 24–35.

References

1. Abdrashitova A.R. Orenburgskoe dukhovnoe magometanskoe sobranie kak organ upravleniya musul'man v XIX – nachale XX vekov [The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly as a Governing Body of Muslims in the 19th – early 20th Centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2001, no. 1. Pp. 49–53. (In Russian).
2. Belousova O.I. Stanitsa Zverinogolovskaya [Zverinogolovskaya Village]. *Istoriya Kurganskoy oblasti* [History of Kurgan Oblast]. Kurgan, Zaural'e Publ., 2001, vol.6. Pp. 273–307. (In Russian).
3. Denisov D.N. Musul'manskaya obshchina Kurgana v proshlom i nastoyashchem [The Muslim Community of Kurgan in the Past and Today]. *Etnopanorama* [Ethnopanorama], 2010, no. 1–2. Pp.77–80. (In Russian).
4. Denisov D.N. *Ocherki po istorii musul'manskikh obshchin Chelyabinskogo kraya (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the History of Muslim Communities of the Chelyabinsk Region (the 18th – Early 20th Century)]. Moscow, Marjani Publishing House, 2011, 256 p. (In Russian).
5. Denisov D.N. Istochniki dokhodov i ekonomicheskoe polozhenie musul'manskogo dukhovenstva (na primere Orenburgskoy gubernii) [The Sources of Income and Economic Situation of Muslim Clergy (through the Example of Orenburg Province)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2012, no. 4 (140). Pp.85–89. (In Russian).
6. Denisov D.N. Regional'nye problemy realizatsii zakonodatel'stva ob organizatsii musul'manskikh prikhodov v Orenburgskoy gubernii (vtoraya polovina XVIII – nachalo KhKh vv.) [Regional Problems of Implementing the Legislation on the Organization of Muslim Parishes in Orenburg Province (the Second Half of the 18th - Early 20th Centuries)]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Agrarian University], 2013, no. 4 (42). Pp.263–265. (In Russian).
7. Zagidullin I.K. Musul'mane v rossiyskom kazachestve v pervoy polovine XIX veka [Muslims in the Russian Kozakdom in the First Half of the 19th Century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Studies series], 2006, no. 6. Pp.173–178. (In Russian).
8. Zagidullin I.K. Obrashcheniya tatar-musul'man Srednego Povolzh'ya k Osmanskomu gosudarstvu [Appeals of Muslim Tatars of the Middle Volga Region to the Ottoman State].

Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal [Kazan Pedagogical Journal], 2015, no. 2 (109). Pp.135–139. (In Russian).

9. Zvyagintseva O.I, Pavlutskiikh G.G. *Ot kreposti do sela* [From the Fortress to the Village]. *Stanitsa na Tobole* [Village on the Tobol]. Kurgan, Zaural'e Publ., 2002. Pp.8–70. (In Russian).

10. *Islam na territorii Tyumenskoy oblasti* [Islam on the Territory of the Tyumen Oblast]. Red. A.P.Yarkov. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2013, 132 p. (In Russian).

11. *Islam na Urale. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Urals. Encyclopedic dictionary]. Red. D.Z. Hairetdinov. Moscow, Nizhniy Novgorod, Medina Publ., 2009, 404 p. (In Russian).

12. Kortunov A.I., Fokin A.A. *Kazaki-musul'mane na sluzhbe v kazach'ikh voyskakh Urala (XVI–XIX vv.)*[Cossacks-Muslims Serving in the Cossack Armies of the Urals (16th – 19th Centuries)]. Ufa, 2012, 113 p. (In Russian).

13. Kosach G.G. *Islam v Orenburgskoy oblasti* [Islam in Orenburg Oblast]. Moscow, Logos Publ., 2008, 148 s. (In Russian).

14. *Religioznyy landshaft Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noy Azii. T. 1: Pozdnyaya drevnost' – nachalo XX v.* [The Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia. V. 1: Late Antiquity – Early 20th Century]. Red. P.K. Dashkovskiy. Barnaul, Publishing House of Altai University, 214 p. (In Russian).

15. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: the Specificity of the Universal]. Moscow, Mardjani Publishing House, 2009, 216 p. (In Russian).

16. Starostin A.N. *Islam v Sverdlovskoy oblasti* [Islam in Sverdlovsk Oblast]. Moscow, Logos Publ., 2007, 144 p. (In Russian).

17. Suleymanova Yu.F. *Regional'naya vlast' i musul'manskoe naselenie Orenburgskoy gubernii v XIX veke: problemy vzaimootnosheniy* [Regional Authorities and the Muslim Population of Orenburg Province in the 19th Century: Problems of Relationship]. «*Belye pyatna*» *rossiyskoy i mirovoy istorii* ["Blind Spots" in the Russian and World History], 2012, no. 1. Pp..24–35. (In Russian).